

Мысль о гениальных задатках его современников была издавна близка и самому Пушкину. Вспомним хотя бы его юношеские строки о Чаадаеве:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.
(АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 89)

Грибоедов же успел свершить должное. И потому у Пушкина сказано: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, не ровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» (VIII, 461).

С. А. Фомичев

ГОГОЛЕВСКИЙ «НОС» В ПУШКИНСКОМ КРУГУ О редакции повести в журнале «Современник» 1836 года

Но каким чудом отвратительная бессмыслица могла смешить Пушкина?

Барон Розен, «Ссылка на мертвых»

Несмотря на многочисленные работы, посвященные повести Н. В. Гоголя «Нос», целый ряд вопросов, связанных как с текстологической историей, так и с литературно-историческим контекстом этого «загадочного» произведения, остается непроясненным. В каком направлении и при каких обстоятельствах Гоголь переделывает первую редакцию повести, подготовленную в 1835 году для «Московского наблюдателя», но не напечатанную в этом журнале? Почему Пушкин взялся поместить отвергнутый москвичами текст в своем журнале «Современник», в третьем томе за 1836 год?

Участие Гоголя в пушкинском «Современнике» достаточно хорошо изучено.¹ Именно в 1836 году отношения Гоголя с Пушкиным приобретают характер тесного сотрудничества. Гоголю дается «зеленый свет» на страницах пушкинского журнала. Гоголь оказывается главным прозаиком издания — факт особенно примечательный, если принять во внимание, что Пушкин не опубликовал в своем журнале ни одного из популярных прозаических авторов 1830-х годов. Само появление повести «Нос» в «Современнике» в сопровождении предисловия Пушкина создавало определенную интригу вокруг этой публикации:

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись.²

Барон Розен, яростный ненавистник Гоголя, усмотрел в примечании Пушкина какой-то потаенный подтекст:

Чего же хотел Пушкин своим примечанием к этой повести? Изменило ли ему на тот раз чувство критики? Или он хотел издеваться над вкусом публики, рекомендуя ей, под видом неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, — такую бессмысленную ералашь? Самая форма рекомендации проникнута каким-то мифистофельски-сатирическим духом: Пушкин насилу испросил дозволение авторское поделиться с публикою удовольствием от повести, которая (выражусь о ней как нельзя мягче) пустейший, непонятнейший фарс! Для чего нет подобной рекомендации под дру-

¹ См.: Гиппиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые записки Пермского государственного университета: Отдел общественных наук. Пермь, 1931. Вып. 2. С. 61—126; Мордовченко Н. И. Гоголь и журналистика, 1835—1836 гг. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 106—150; Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 197—228; Вацуро В. Э. «Великий меланхолик» // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 313—345; Рейфман П. Две программы пушкинского «Современника» // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение, II. Тарту, 1996. С. 130—155; Проскурина В. Ю. Второй «Портрет» Гоголя // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1996. С. 223—236; Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Чужой: (О стратегии вхождения Гоголя в пушкинский литературный круг) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Берлин, 2020. С. 199—241.

² Современник. 1836. Т. 3. С. 56; XII, 183.

гими, так же пустыми, но понятными, иногда забавными и нигде не отвратительными шутками того же Гоголя: «Утро делового человека» и «Коляска», в том же журнале Пушкина? На подобные замечания мои Пушкин отозвался, что странность фарса требовала огорки; уверял меня, что в самом деле смеялся при чтении «Носа» и тиснул его, полагая, что этот фарс может смешить и других. Стало быть, достоверно, что этот «Нос» смешил Пушкина!³

В гневных филиппиках Розена тем не менее содержится ряд вопросов, на которые исследователи не дали достаточно аргументированного ответа: в чем была причина холодно-неприязненной рецепции повести «Нос» большинством современных Гоголю читателей? почему повесть Гоголя «Нос» оказалась столь востребованной ближайшим окружением Пушкина, и прежде всего — самим поэтом?

Между тем предисловие Пушкина отнюдь не отражало реальности. Гоголь не только не отказывался печатать свою повесть в журнале Пушкина, но специально переделал ее для «Современника», внося значительные изменения в текст, в том числе и такие, которые никак не связаны с цензурным вмешательством. Версия «Носа» 1836 года, созданная в период тесного взаимодействия Гоголя с пушкинским кругом, проливает свет на важные аспекты литературной, языковой, идеологической позиции Пушкина и его окружения в 1836 году.

«САЛЬНАЯ» ПОВЕСТЬ В КОНТЕКСТЕ «ГРЯЗНОЙ» КОМЕДИИ

В 1836 году Гоголь делается завсегдатаем субботних литературных вечеров у Жуковского. 18 января он присутствует на том вечере, когда «литературная братия» (Пушкин, Вяземский, Крылов, Одоевский, Плетнев, барон Розен) с энтузиазмом читала и обсуждала очередное парижское письмо А. И. Тургенева, один из текстов его будущей «Хроники русского» в «Современнике». В тот же вечер Гоголь впервые прочел своего «Ревизора». Особенным поклонником пьесы оказался Вяземский, сделавший подробный разбор «Ревизора» в письме к А. И. Тургеневу от 19 января 1836 года:

Вчера Гоголь читал нам новую комедию «Ревизор». <...>
Весь этот быт описан очень забавно, и вообще неистошима весел-

³ Розен Е. Ф. Ссылка на мертвых // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 286.

лость; но действия мало, как и во всех произведениях его. Читает мастерски и возбуждает un feu roulant d'éclats de rire dans l'auditoire.* Не знаю, не потеряет ли пиеса на сцене, ибо не все актеры сыграют, как он читает. Он удивительно живо и верно, хотя и карикатурно, описывает наши mœurs administratives.** Вигель его терпеть не может за то, что он где-то отозвался о подлой роже директора департамента. У нас он тем замечательнее, что, за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости. Он от избытка веселости часто завирается, и вот чем веселость его прилипчива. <...> Один Жуковский может хохотать на бумаге и обдавать смехом других, да и то в одних стенах Арзамаса.⁴

Из всех присутствующих на этом чтении лишь барон Розен, поздно вошедший в русскую литературную среду, нечуткий в понимании смеховой культуры вообще, а тем более в отношении интертекстуального, сложно-комического нарратива Гоголя, воспринял «Ревизора» как оскорбительно-грязную карикатуру:

...и вдруг, в оба отверстые уха мои грянула из комедии такая шутка, что душа моя оцепенела, — шутка, по моему разумению, неопрятная, но, видно, забавная для других: многие расхохотались; иные зарукоплескали, и звучный голос одного очень образованного человека, в похвалу этой нечистой, по моему мнению, шутке, произнес во всеуслышание, с единственною энергией: «C'est le haut comique!»*** Это возвещение высоко-комического подействовало на мою мозговую систему жестоким нервическим ударом, который поверг меня в желанную апатию, так что я, без особенных умственных страданий, выдерживал комедию до конца.⁵

Голос Розена звучал диссонансом на фоне полного одобрения комедии среди окружения Пушкина. Особенным поклонником «Ревизора» оказался Вяземский, которому пришлось защищать Гоголя и его комедию от обвинений в фарсовой, «грязной» природе. В своем разборе «Ревизора» на страницах «Современника» Вяземский подтвердил высокое качество комедийного мастерства Гоголя сравнением с Фонвизиним, монографию о котором он писал с начала

* Взрывы смеха со стороны зрителей (франц.).

** Административные нравы (франц.).

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. С. 285.

*** «Это высшая степень комизма!» (франц.)

⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 283.

1830-х годов.⁶ Разговор о «низком» языке «Ревизора» перерастал в дискуссию об истинной и ложной языковой стратегии, соответствующей настоящему обществу, в том числе и придворному. Дискуссия о «Ревизоре» была, по сути, борьбой за политическую стратегию. Вяземский писал:

Впрочем, трудно и угодить на литературных словоловов. У которого-то из них уши покраснели от выражения: «суп воняет, чай воняет рыбою». Он уверяет, что теперь и порядочный лакей того не скажет. Да мало ли того, что скажет и чего не скажет лакей? Неужли писателю ходить в лакейские справляться, какие слова там в чести и какие не в употреблении. <...> Впрочем, критик, может быть, и прав; в этом случае мы спорить с ним не будем. Порядочный лакей, что называется — un laquais en dimanché,* точно, может быть, постыдится сказать «воняет», но порядочный человек, то есть благовоспитанный, смело скажет это слово и в великосветской гостиной, и перед дамами. Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее других в употреблении собственных слов: жеманство, чопорность, щепетильность, оговорки — отличительные признаки людей, не живущих в хорошем обществе, но желающих корчить хорошее общество.⁷

В своей статье о «Ревизоре» Вяземский полемизировал со своеобразным стилевым пуризмом Ф. В. Булгарина, издававшегося над «низким» языком «Ревизора». Прямо адресуясь к пушкинскому кругу (к «друзьям автора комедии “Ревизор”»), Булгарин писал:

Друзья автора комедии «Ревизор» оказали бы ему и публике величайшую услугу, если б могли убедить его отказаться от *цинизма* в языке, которым упитана не только комедия, но и все вообще произведения этого молодого и, притом, талантливого писателя. <...> ...в языке автора «Ревизора» так много противунизационного, что мы не понимаем, как он мог решиться на это. Теперь порядочный лакей не скажет: «суп *воняет*» <...> или «чай воняет рыбой»

⁶ В конце февраля 1836 г. сатирические тексты Фонвизина вновь актуализируются в связи с тем, что Пушкин получает из цензурного комитета рукопись монографии Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» (см: *Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837.* Л., 1969. С. 292; коммент. В. Э. Вацуру). Переписка свидетельствует об огромном интересе обоих к сатирико-памфлетным текстам Фонвизина.

* Лакей во фраке (*франц.*).

⁷ Современник. 1836. Т. 2. С. 295—296.

<...> а скажет: «дурно пахнет, пахнет рыбой». Ни один писатель со вкусом не напишет: «ковыряет пальцем в зубах»...⁸

За обвинением Гоголя в языковом «цинизме» стояла целая программа: Гоголь с его «Ревизором», как и «друзья» комедии Гоголя, — циничные критиканы, и политическая элита (в первую очередь — сам царь!) должна чуждаться таких авторов. «Грязная» лексика служила, по Булгарину, сигнатурой «грязных» помыслов, и здесь угадывалась попытка заявить и о некоей неблагонадежности автора «Ревизора» и его «друзей». Вяземский прекрасно понял, куда метила критика Булгарина, — поэтому глубоко не случайны были его отсылки к Фонвизину и Екатерине II. Вяземский писал, что разговорный язык персонажей Фонвизина не смущал аристократическое общество: «Между тем не излишним будет заметить почитателям классических преданий, что фон-Визин читал своего *Бригадира* и своего *Недоросля* при просвещенном и великолепном дворе Екатерины II».⁹ Вяземский очевидно проводил параллель между одобрением Николаем I «Ревизора» и Екатериной II, присутствовавшей на чтении Фонвизина.

Булгарину было хорошо известно, что цензура запретила постановку «Ревизора», после чего Жуковскому удалось передать рукопись пьесы императору Николаю. «Ревизор» «был вытребован в Зимний дворец, и графу Виельгорскому поручено его прочитать <...> и затем по окончании чтения последовало высочайшее разрешение играть комедию».¹⁰ Князь Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 24 апреля / 6 мая 1836 года описывает всеобщий ропот против «Ревизора», а также сообщает о малом числе «ратоборцев за пиесу» — в их числе назван он сам, Козловский, Жуковский, «не говоря уже о государе, который читал ее (комедию. — В. П.) в рукописи».¹¹ Сохранилось множество свидетельств высочайшего одобрения «Ревизора»: царь появлялся на представлении, иногда в присутствии наследника, иногда в окружении министров, — его демонстративные хохот и аплодисменты запечатлели мемуаристы.

⁸ Северная пчела. 1836. № 98. 1 мая. С. 391; подпись: Ф. Б. Впервые на эту статью Булгарина как на источник полемических выпадов Вяземского указано в работе: Кузовкина Т. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007. С. 87—88.

⁹ Современник. 1836. Т. 2. С. 292.

¹⁰ Вольф А. И. Хроника петербургских театров. СПб., 1877. Ч. 1. С. 49. См. также: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809—1845. М., 2004. С. 399—404.

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 317.

Парадокс восприятия Гоголя на тот момент заключался в том, что, несмотря на высочайшее одобрение, вызванное во многом тем, что царь усмотрел в «Ревизоре» соответствие его собственной программе «оздоровления» чиновничества, провинциальной бюрократии, высшие круги — элита — эстетически и идеологически отвергли сочинение Гоголя как грязную и недостойную искусства клевету на русское общество. В том же письме к А. И. Тургеневу Вяземский замечал: «Все стараются быть более монархистами, чем царь, и все гnevаются, что позволили играть эту пиесу, которая, впрочем, имела блистательный и полный успех на сцене, хотя не успех общего одобрения».¹²

Почти одновременно с представлениями комедии на сцене в пушкинском кругу начинаются первые чтения новой редакции повести «Нос». Князь Вяземский писал А. И. Тургеневу 9 апреля 1836 года о том, что только Гоголь (коего Жуковский называет Гоголек) оживлял посетителей Жуковского своими рассказами:

В последнюю субботу читал он нам повесть об носе, который пропал с лица неожиданно у какого-то коллежского асессора и очутился после в Казанском соборе в мундире Министерства просвещения. Уморительно смешно! Много настоящего humor. Коллежский асессор, встретясь с носом своим, говорит ему: «Удивляюсь, что нахожу вас здесь; вам, кажется, должно бы знать свое место».¹³

«Ревизор» и «Нос» оказались связанными не только почти одновременным появлением в 1836 году: «Нос» воспринимался на фоне дискуссии о «Ревизоре». Оба текста подверглись критике за свой «фарсовый» характер, за «низкий», «грязный» язык. Тем не менее было и отличие: если «Ревизор» был положительно принят при дворе, заслужил высочайшее одобрение, то гоголевский «Нос» оказался востребованным только в узком кругу «друзей» Гоголя.

ОТВЕРГНУТАЯ ПОВЕСТЬ

Повесть «Нос» была задумана еще в начале 1830-х годов — в 1832-м или в начале 1833-го была написана первая страничка, содержащая эпизод обнаружения носа в только что испеченном хлебе. Эпизод содержал указание на дату этого «необыкновенно-странного происшествия» — «23-го числа 1832 года».¹⁴

¹² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 317.

¹³ Там же. С. 314.

¹⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.], 1938. Т. 3. С. 380.

В начале 1835 года, в связи с ожиданием выхода нового журнала — «Московского наблюдателя», — Гоголь сочиняет повесть «Нос»: о работе над новой повестью он оповещает М. П. Погодина уже 31 января 1835 года, но предупреждает, что не сможет ее закончить в короткий срок:

Скажи нашим господам, что сгораю желанием приклеить свои труды к ихним. Но, ей богу, раньше как к 3-й книжке не могу прислать им повести. Я теперь в таких хлопотах, что страшно и подумать. Кроме всего прочего, я стараюсь, чтобы чрез три недели вышло мое продолжение «Вечеров», итак, ты посуди сам. Но впрочем все это для них же лучше: вещь, которую я напишу после, все же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я начал даже для них повесть. Но, ей-богу, две недели, по крайней мере, я не буду иметь времени даже подумать о ней.¹⁵

Тем не менее уже 18 марта 1835 года он сообщает Погодину об отправке якобы законченной повести: «Посылаю тебе нос. Да если ваш журнал не выйдет, пришли мне его назад. Обо<...>лись вы с вашим журналом. Вот уже 18<-е> число, а нет и духа. Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести в католическую. Впрочем, я не думаю, чтобы она до такой степени уж выжила из ума».¹⁶

Почти сразу, буквально через пять дней, 23 марта того же года, Гоголь просит Погодина прислать рукопись назад: «Так как Московский Наблюдатель не будет существовать, то пришли мне мой нос назад, потому что он мне очень нужен».¹⁷

Однако, по всей видимости, в марте—апреле 1835 года «Нос» не был еще послан Погодину. Письмо Гоголя ему от 17 апреля 1835 года позволяет предположить, что автор прибег к своему излюбленному приему, сочинив историю про потерю посылки с повестью, требуя проверить почту и почтмейстера и снабдив свое письмо мотивами самого «Носа»:

Сам чорт разве знает, что делается с носом! Я его послал как следует, зашитого в клеенку, с адресом в Московский университет. Я не могу и подумать, чтобы он мог пропасть как-нибудь. У нас единственная исправная вещь: почтамт. Если и он начнет заводить

¹⁵ Там же. Т. 10. С. 351.

¹⁶ Там же. С. 355.

¹⁷ Там же. С. 358.

плутни, то я не знаю, что уже и делать. Пожалуста, потормоши хо-рошенько тамошнего почтмейстера. Не запрятался ли он куда-ни-будь по причине своей миниатюрности между тучными посылка-ми.¹⁸

Гоголь не случайно разыгрывал историю с пропажей посылки и рукописи: он не был уверен в успехе нового журнала, как и сво-его сотрудничества в нем. Во второй книге «Московского наблюда-теля» была напечатана чрезвычайно комплиментарная рецензия С. П. Шевырева на гоголевский «Миргород» (март 1835 года).¹⁹ Однако при всем восхищении непринужденностью и искренностью гоголевского смеха Шевырев подчеркнул некую ограниченность художественного мира писателя, певца и выразителя экзотичной, почти сказочно-фантастической реальности. Критик обращал внима-ние на некоторую провинциальность текстов, на их фарсовость. По эстетической шкале Шевырева Гоголю отводилось не самое почет-ное место «комического писателя».

Гоголь как будто бы чувствовал, что новая повесть окажется и вовсе неуместной в философическом журнале, задуманном «как роскошное издание на веленовой бумаге типа салонных альмана-хов».²⁰ Действительно, «Нос» редакцией «Московского наблюдате-ля» был отвергнут. С. П. Шевырев, ведущий критик журнала, опреде-лявший эстетические вкусы всего издания, впоследствии назвал «Нос» одним из «самых неудачных созданий» писателя.²¹ В. Г. Бе-линский в «Литературных и журнальных заметках» 1842 года вспоминал «московский журнал, который отказался принять в себя повесть Гоголя “Нос”, по причине ее пошлости и тривиальности», а также упоминал и того «именитого критика», «который отказал-ся писать о “Ревизоре”, как опять о тривиальном и грязном произ-ведении».²²

Показательно, что К. С. Аксакову, сочувствовавшему Гоголю, приходилось доказывать серьезность и глубину сочинений писате-ля — вопреки отрицательному впечатлению, произведенному пове-стью «Нос». Аксаков писал своей приятельнице и родственнице М. Г. Карташевской:

¹⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 363—364.

¹⁹ Шевырев С. П. О «Миргороде» Гоголя // Московский наблюдатель. 1835. Кн. 2. С. 396—411.

²⁰ Мордовченко Н. И. Гоголь и журналистика, 1835—1836 гг. С. 113.

²¹ Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или «Мёртвые души»: Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. Ч. 4. Кн. 8. С. 373.

²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 504.

...Я уже читал «Ревизора»; читал раза четыре и потому говорю, что те, кто называет эту пьесу грубою и плоскою, не поняли ее. Гоголь — истинный поэт; ведь в комическом и смешном есть также поэзия. Мне жаль, что Вы в первый раз узнали Гоголя только по его «Носу». В этой шутке есть свое достоинство, но <она>, точно, немножко сальна.²³

Итак, повесть приобрела репутацию «сальной». Читатели 1830-х годов еще прекрасно ощущали французское происхождение этого слова (*sale* — это прежде всего непристойный, имеющий намеки сексуального характера). Таким образом, «Нос» — это не просто «грязное» произведение, содержащее низкую лексику или описывающее грубые эпизоды. Повесть трактуется читателями как неприличная, с намеками сексуальной направленности.

Пушкин в своем примечании к публикации «Носа» говорит о том, что Гоголь «долго не соглашался на напечатание этой шутки». Так ли это? По всей видимости, здесь имеет место сознательная игра с читателем Пушкина-издателя. Пушкин отводил от автора «Носа» потенциальные упреки, сообщив, что Гоголь «долго» не соглашался опубликовать повесть, что его пришлось уговаривать, что и сама повесть всего лишь «шутка».

В реальности, едва узнав о высочайшем разрешении, данном Пушкину на издание «Современника», Гоголь в первую очередь думает о повести «Нос». Уже 18 января 1836 года, возвратясь с «субботы» у Жуковского, Гоголь пишет письмо, где просит Погодина прислать рукопись «Носа»: «Мне теперь он до крайности нужен. Я хочу его немного переделать и поместить в небольшое собрание, которое готовлю издать».²⁴

Никакого собрания он тогда не готовил — «Нос» ему нужен был для передачи в пушкинский «Современник», в котором Гоголь поначалу принял самое деятельное участие. Погодин не отвечал — и Гоголь еще дважды (в феврале и марте) отсылал Погодину письма-запросы. «Нос» вернулся к Гоголю не ранее середины марта 1836 года.²⁵ Именно тогда Гоголь начал переделку повести.

²³ Гоголь в неизданной переписке современников // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 550. Вызывает сомнение датировка этого письма — 9 мая 1836 года, поскольку «Нос» был напечатан осенью того же года. Рукописная копия вряд ли могла циркулировать за пределами редакции. Скорее всего, адресат послания ознакомилась с «Носом» по изданию «Современника» не ранее осени 1836 г.

²⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 31.

²⁵ См.: Там же. С. 39.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕДАКЦИИ 1836 ГОДА

В новую редакцию своей «сальной» повести, отвергнутой «наблюдателями», Гоголь вносит особенно много сексуальных, неприличных, почти непристойных намеков.

Одним из первых таких фрагментов является знаменитая речь супруги цирюльника Прасковьи Осиповны, произнесенная при обнаружении носа в разрезанном хлебе. На предложение цирюльника завернуть нос в тряпочку, спрятать, а потом вынести потихоньку из дома она раздражается выразительной тирадой, отсутствующей в редакции 1835 года:

Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты пачкун, бревно глупое!²⁶

В первой редакции 1835 года неприличных фразочек о супружеском долге, оскорблений сексуального характера не содержалось:

И слушать не хочу, зверь проклятый! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу? — Не будет этого, не будет! Найдут полицейские обыскивать да подумают, что я была участницей в таком.²⁷

Если в редакции 1835 года эпизод с обнаружением носа описан кратко — в версии 1836 года действие замедляется, фокусируется на словах супруги и на попытках цирюльника найти «объяснения» отрезанию носа. Иван Яковлевич²⁸ произносит внутренний монолог:

«Чорт его знает, как это сделалось», — сказал он наконец, почесав рукою за ухом. «Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное: ибо хлеб — дело печеное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!..» Иван Яковлевич замолчал.²⁹

²⁶ Современник. 1836. Т. 3. С. 56.

²⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 382.

²⁸ Имя цирюльника в версии 1835 г. — Иван Федорович, в версии «Современника» — Иван Яковлевич.

²⁹ Современник. 1836. Т. 3. С. 56.

Иван Яковлевич производит здесь абсурдистское противопоставление («хлеб — дело печеное, а нос совсем не то»), где первое (хлеб) ассоциируется с высоким началом, а второе (нос) — с низким и постыдным. Как представляется, в этом эпизоде разрезания испеченного хлеба можно обнаружить кощунственную подоплеку.³⁰ Гоголевский герой, разрезая ножом хлеб и обнаруживая в середине нос, производит кощунственное пародирование церковной проскомидии, исполняемой во время Литургии. Сам хлеб (просфоры в церкви) символизирует Тело Христа, а церковный нож («копие»), которым священник разрезает определенным образом просфору, ассоциируется с копьем римского воина, пронзившего Спасителя на кресте.³¹ Во время проскомидии священник оmyвает вином «рану», нанесенную «копием», — здесь же вино имеет иной, прозаический смысл: цирюльник мотивирует события своим пьянством («Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уж наверное сказать не могу»), что привносит дополнительный кощунственный элемент.

Эротические мотивы второй части «Носа» связаны с переживаниями майора Ковалева. Характерно, что только в редакции «Современника» появляются матримониальные мечтания Ковалева, заменяющие его карьерные планы.

В версии 1835 года Ковалев объясняет носу в Казанском соборе, что неудобно ходить без носа «для лица, получив <шего?> губернаторского места, что без сомнения последует»,³² или, как здесь же в вариантах: губернаторское место, «которое мне без сомнения» (еще вариант: «как говорят это») последует. Вопрос о «губернаторском месте», где Гоголь старательно перебирает варианты, был основным в объяснениях Ковалева.

В версии 1836 года необходимость поисков носа объясняется не карьерной, а матримониальной (или эротической) мотивировкой. В разговоре Ковалева с носом в Гостином дворе (заменившем еще более кощунственный эпизод молитвы носа в Казанском соборе) вопрос о губернаторском месте редуцирован, фраза оборвана много-

³⁰ О кощунственных мотивах в «Носе» в связи с датировкой исчезновения и появления носа см.: Успенский Б. А. Время в гоголевском «Носе»: («Нос» глазами этнографа) // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 49–68.

³¹ О травестировании обряда проскомидии еще в 1987 г. писал Михаил Вайскопф в статье «Нос в Казанском соборе: о генезисе религиозной темы у Гоголя» (см.: Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 164–185. См. также: Pilshchikov I. “The Nose”: Between Linguistic Indecency and Religious Blasphemy // Religions. 2021. Vol. 12 (8). P. 1–32).

³² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 388; курсив наш. — В. П.

точием, но зато появляется упоминание о знакомых дамах: «...но, имея в виду получить... притом, будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтырева, статская советница, и другие...»³³

Затем эта мотивировка нужды в носе из-за знакомства с дамами снова появляется, когда Ковалев отказывается сообщить чиновнику Газетной экспедиции свою фамилию, поскольку стыдится, что потеря носа станет известной дамам: «У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Пелагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, Боже сохрани!»³⁴

Абсурдность ситуации — необходимость найти нос объясняется ожиданием встреч с дамами — усиливается еще одним, уже третьим, повторением на следующей странице схожих lamentаций Ковалева, отсутствующих в первоначальной версии и вставленных в версии «Современника»: «Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина Пелагея Григорьевна штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые; и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться».³⁵

Новой вставкой 1836 года являлась также переписка майора Ковалева и штабс-офицерши Подточинной (последняя фигурирует в этих письмах как Александра Григорьевна, а не как Пелагея Григорьевна!). Ковалев обвиняет ее в «волхованиях» с носом — на что дама отвечает, что «готова сей же час удовлетворить» Ковалева, «ибо это составляло всегда предмет <...> живейшего желания» с ее стороны.³⁶ Здесь речь идет о желанной для Подточинной женитьбе Ковалева на ее дочери, однако сама неясно сформулированная фраза звучит двусмысленно и намекает на двойной флирт Ковалева с матерью и дочерью, аналогичный флирту Хлестакова с женой и дочерью городничего в «Ревизоре».

«Сальность» гоголевской повести получила эмблематическое завершение в литографированной картинке-рекламе, выставленной в витрине магазина Юнкера: здесь имелось «изображение девушки, поправлявшей чулок, и глядевшего на нее из-за дерева франта с откидным жилетом и небольшой бородкою».³⁷ Эта вставка появилась только в версии 1836 года. Слухи о носе в витрине магазина Юнкера вызывают столпотворение в городе, народ спешит увидеть этот нос, но вместо него обнаруживается эта литографированная картин-

³³ Современник. 1836. Т. 3. С. 64.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Там же. С. 72.

³⁶ Там же. С. 86.

³⁷ Там же. С. 87.

ка. Сам эпизод пародирует мотивы либертинских «святок»: согласно обычной структуре нозеля (Noël) в некоем городе (или в каком-то местечке) распространяется слух о чудесном младенце, все устремляются ему навстречу. Сами рождественские «святки» уже являлись пародией на евангельский сюжет поклонения волхвов. Пушкин и Вяземский были авторами нозелей, использовали этот жанр как удобную форму для сатирического обозрения современной политики.³⁸ В гоголевском тексте имеет место пародия на пародию, придающая всей повести игровой интертекстуальный характер, близкий прозе самого Пушкина. У Гоголя толпы зевак, увлеченные слухом о гуляющем по городу носе, собираются его встречать перед магазином с неприличной картинкой; там же некий «спекулятор» торгует удобным для просмотра местом. Появившаяся в 1836 году картинка-реклама, маленький экфрасис Гоголя, завершала трагедийно-эротическую фокусировку повести.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНЕ «НОСА» И ТАБАКЕРКЕ С ПОРТРЕТОМ ДАМЫ

Классическая работа В. В. Виноградова «Сюжет и композиция повести Гоголя “Нос”» (1920, опубликована в 1921) послужила началом изучению литературно-журнального фона повести Гоголя. В ней исследователь декларировал, что сюжетная конструкция «Носа» предполагает сложный смысловой контекст литературной и внелитературной «носологии» 20–30-х годов XIX в.³⁹ С легкой руки В. В. Виноградова именно «носология» оказалась в центре внимания и у позднейших исследователей повести: вокруг носа коллежского асессора Ковалева выросла уже очень значительная литература.⁴⁰ И это привело к некоторому «размыванию» проблемы: среди фоновых носологических текстов назывались самые разнородные произ-

³⁸ См.: *Проскурина В.* Стратегии либертинажа в XVIII веке: (Князь Д. П. Горчаков и его «Святки») // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 September: Сборник статей в честь В. А. Мильчиной. М., 2015. С. 11–22.

³⁹ См.: *Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск: (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 5–44.

⁴⁰ См.: *Бычкова А. Ю.* Ринология Н. В. Гоголя: Типологические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014; *Бёмиз М.* «Нос» Н. В. Гоголя в контексте европейской «носологии» // Русская литература и журналистика в движении времени: Ежегодник. 2018. М., 2019. С. 29–66; *Пильщиков И. А.* К поэтике и семантике гоголевского «Носа», или Что скрывают говорящие детали // Литературоман(н)ия: К 90-летию Ю. В. Манна. М., 2019. С. 218–237.

ведения — от третьесортной газетно-журнальной продукции⁴¹ до немецких романтиков, от «Тристрама Шенди» Лоуренса Стерна до физиогномических эссе «Похвала носу» Генриха Цшоке⁴² или полупародийного эссе «Панегирик носу» Николая Карлгофа.⁴³ Множественность и разнородность обнаруженных «источников» уводили от главного — от эротической подоплеки всей повести Гоголя.

Между тем еще одно примечательное изменение было внесено Гоголем в текст: чиновник Газетной экспедиции уже не просто нюхал табак во время разговора с Ковалевым (как это было в редакции 1835 года), но коварно предлагал табакерку майору:

«Не угодно ли вам понюхать табачку? это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам это хорошо». Говоря это, чиновник поднес Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернув под нее крышку с *портретом какой-то дамы в шляпке*.⁴⁴

Примечательна также и реакция Ковалева, отсутствующая в прежней редакции:

Этот неумышленный поступок вывел из терпения Ковалева. «Я не понимаю, как вы находите место шуткам, — сказал он с серд-

⁴¹ Таковым, например, являлся текст под названием «Нос. Французский анекдот», напечатанный в 1831 г. в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» (№ 72. 9 сент. С. 562—564). Этот «анекдот» повествует о несчастной любви некоего обладателя огромного уродливого носа, закрывавшего все лицо, к бедной девушке Лауретте, жительнице Рима. Возможно, знакомство с этим текстом отозвалось в гоголевском наброске 1832 г. «Фонарь умирал», где студент в окне видит прекрасную женщину и господина во фраке с необычным носом.

⁴² Прозаические юморески немецкого и швейцарского писателя Цшоке (в современном написании — Чокке) были опубликованы в двух номерах газеты «Молва» за 1831 г. (№ 37. С. 161—167 и № 39. С. 195—201). См. также: Бёмиг М. Повесть Н. В. Гоголя «Нос»: Пародия на «Физиогномику» Лафатера? // Образы Италии в русской словесности. Томск, 2011. С. 196—211. К уже найденному можно добавить не отмеченное исследователями стихотворение «Похвала носу», напечатанное в той же «Молве» за 1831 г. (№ 11) без подписи. Оно принадлежит Д. П. Ознобишину. «Похвала носу» открывает этот номер: «Никто носов еще не пел, / А нос, из чувств едва ль не главный; / Его Создатель нам в удел / Дал всем, хоть в доле и неравной» (Молва. 1831. № 11. С. 1). В современном издании это стихотворение публикуется под названием «Нос» (см.: Ознобишин Д. П. Стихотворения. Проза. М., 2001. Т. 2. С. 488).

⁴³ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 62. 3 авг. С. 489.

⁴⁴ Современник. 1836. Т. 3. С. 74—75; курсив наш. — В. П.

дем. — Разве вы не видите, что у меня нет именно того, чем бы я мог понюхать?»⁴⁵

Наконец, примечательны в редакции 1836 года размышления Ковалева о том, как и при каких обстоятельствах потеря носа была бы менее стыдна: «И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли».⁴⁶ В первоначальной редакции этой военной или дуэльной темы не было: «Будь я без руки или без ноги — все бы это лучше. Будь я без обоих ушей даже, все сноснее, но без носа человек хоть выбрось. Если бы кто-нибудь отрезал или я сам был причиною... но вот штука — пропал сам собою».⁴⁷

Последние изменения — о предложении понюхать табак из табакерки с портретом дамы в шляпке и упоминание войны как лучшего способа утратить нос — позволяют ввести в носологический контекст повести еще одно произведение. Здесь, возможно, содержится отсылка к «Тристраму Шенди» Лоуренса Стерна, к тем его главам, в которых вдова Водман обеспокоена судьбой раны в паху дяди Тоби, полученной им во время сражения при Намюре. В высшей степени эротизированные главы (в том числе и с многозначными многоточиями, введенными в тогдашнюю моду) содержат рассказ о попытках вдовы выяснить, способен ли дядя Тоби к супружеским отношениям.⁴⁸

Однако, вероятно, здесь для Гоголя было не менее важно и русское произведение, ускользнувшее от внимания исследователей.

В обширной сатирической традиции выделяется стихотворная сказка-басня Я. Б. Княжнина «Феридина ошибка» (1778), дважды публиковавшаяся в журналах, в том числе — в 1783 году в «Собеседнике любителей русского слова» Екатерины II и Е. Р. Дашковой. Позднее текст вошел во все собрания писателя, включая его «Сочинения» в пяти томах (1817—1818). Это третье издание сочинений, изданное с приложением биографии, написанной сыном, А. Я. Княжнинным, имелось и в библиотеке Пушкина.

В сказке Княжнина красавица размышляет о достоинствах молодого жениха, среди которых она более всего ценит добродетели, а не внешнюю красоту. Но тут случается война:

Любовник между тем, сражаясь в поле ратном,
В случае для него весьма превратном,

⁴⁵ Там же. С. 75.

⁴⁶ Там же. С. 77.

⁴⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 395.

⁴⁸ См.: Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 520—534.

Среди военных страшных гроз
За общество утратил вправду нос.⁴⁹

Юный герой не беспокоится о чувствах Ферида, которая не раз объявляла всем знакомым, что душа ценнее всех физических качеств героя:

Потеря невелика.
Была бы лишь душа цела,
Которая Фериде так мила;
Ей нужды нет до лика.
Дурнее стал... так что ж?
Ведь нос не для любви, для табаку пригож...⁵⁰

Финал сказки обнажает все иллюзорные надежды утратившего нос героя, как и ложные обещания светской дамы:

Оцепенела вся Ферида,
У ног ее ей кажется злодей...
Кричит на слуг: «Какого странна вида
Впускаете ко мне людей?..»
— «Я тот... — любовник восклицает, —
Я самый тот, который не лицом —
Душой тебя прельщает,
А душу — ту же видишь в нем».
— «Так это ты? — Ферида отвечает. —
О! ты, который был мне прежде столько мил!
Ах! можно ли, чтоб нос так душу повредил!»⁵¹

Последняя строчка монолога Ферида звучала афористично, а сама бойкая и хорошо написанная «сказка» Княжнина вписывалась в контекст эротико-юмористических анекдотов.

Гоголь прекрасно знал и ценил пьесы Княжнина: еще в Нежинской гимназии юный Гоголь играл по крайней мере в двух княжнинских пьесах — в «Чудаках» и «Неудачном примирителе». Есть основания полагать, что знаком он был и с прочей поэтической продукцией Княжнина — возможно, еще с гимназических лет.

⁴⁹ Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 685 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 685—686.

Но особенно важно, что фигура Княжнина оказывается значимой в пушкинском кругу середины 1830-х годов. Характерно, что Пушкин включает в «Капитанскую дочку» три эпитафии из Княжнина — два подлинных, третий фиктивный, написанный «в стиле Княжнина». Немаловажен и тот факт, что в своей монографии «Фон-Визин» Вяземский особо отметил Княжнина, чьи комедии перечитываешь «с удовольствием и смехом» и которого «должно признать» «первым комиком нашим». ⁵² Можно с осторожностью предположить, что анекдотическая сказка Княжнина могла быть известна автору «Носа».

ПУШКИНСКИЙ СМЕХ

Гоголь был чрезвычайно внимателен к эстетическим вкусам и стилевым пристрастиям в пушкинском кругу, желая всеми силами войти в этот круг, вписаться в него и занять в нем почетное место первого комического писателя. Он не мог пройти мимо очевидного увлечения смеховой, пародийной, иронико-комической или даже барковизанской литературой, культивируемой в этой среде.

Ядром «пушкинского круга» в середине 1830-х годов являлись авторы, прошедшие литературную школу «Арзамаса», «арзамасской галиматии», ориентированной на травестирование сакрального, на пародирование церковного ритуала. Широкий интертекстуальный пласт, вторжение пародии и травестии в высокие материи, — такие уроки берет Гоголь в кругу Пушкина.

Даже бытовые или эпистолярные нарративы Гоголь начинает адаптировать по образцам, культивируемым в этом сообществе. Посылая М. П. Погодину свои «Арабески», Гоголь пишет 22 января 1835 года: «Посылаю тебе всякую всячину мою. *Погладь ее и потрепли...*» ⁵³ Выделенная нами фразочка отсылала к шутовской оде Г. Р. Державина «На Счастье», где лирический герой призывает Фортуно-Счастье:

Простри и удостой усмешкой
Презренную тобою тварь;
И если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом;

⁵² Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 5. С. 130.

⁵³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 348; курсив наш. — В. П.

Песчинка может быть жемчугом,
Погладь меня и потрепли.⁵⁴

Наверняка Гоголь ощущал второй, непристойный, план этих державинских строк, в свою очередь отсылающих посвященных к традициям барковианы, в частности к оде «На воспоминание прошедшей молодости» (вероятным автором которой являлся Ф. И. Дмитриев-Мамонов).⁵⁵

Работа над новой версией «Носа», несомненно, проходила под влиянием как самого Пушкина, так и разговоров в пушкинском литературном кругу 1836 года. В. Э. Вацуро назвал этот процесс «влияния» Пушкина на Гоголя «плагиатами» Гоголя (видимо, по аналогии с известной работой М. О. Гершензона «Плагиаты Пушкина»).⁵⁶ Среди уже отмеченных исследователем «плагиатов» в «Носе» — изменение финала. Серия вопросов: «И для чего все это? К чему это? <...> Для какой цели? Что доказывает эта повесть?»⁵⁷ — отсылает к финалу «Домика в Коломне», где имелась схожая цепочка вопросов от недоумевающего читателя, жаждущего понять смысл рассказанной истории и ее мораль.⁵⁸

Но использованием (и обыгрыванием) мотивов из произведений Пушкина «влияние» пушкинского круга на гоголевскую повесть не ограничивалось. Важна была сама атмосфера разговоров. В пушкинском кругу, по свидетельству мемуаристов, любили сальные анекдоты и имели склонность к двусмысленным выражениям. Эта разговорная вольность культивировалась как знак утонченного либертинства, а тонкости в умении вести такие разговоры обозначали принадлежность к кругу.

Особенной страстью отличался Жуковский, Гоголь же вторил ему. А. О. Смирнова-Россет не раз вспоминала, что Жуковский очень любит шутить, пересказывать «все старые, мне известные анекдоты»; эти анекдоты Жуковского чаще всего имели отношение к природному «низу», как, в частности, его любимый рассказ о визите Жана-Поля Рихтера к герцогу Кобургскому.⁵⁹ При этом, любя затасканные и грязные анекдоты, Жуковский уклонялся от эротиче-

⁵⁴ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 127 («Б-ка поэта». Большая сер.); курсив наш. — В. П.

⁵⁵ См.: Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: Литература как политика. М., 2017. С. 242–243.

⁵⁶ Вацуро В. Э. «Великий меланхолик». С. 325.

⁵⁷ Современник. 1836. Т. 3. С. 89–90.

⁵⁸ См.: Вацуро В. Э. «Великий меланхолик». С. 326–327.

⁵⁹ См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 57, 454 («Лит. памятники»).

ских разговоров в присутствии дам — та же Смирнова-Россет передавала, что он «в ужасе от сальностей».⁶⁰ Между тем она же подчеркивала, по контрасту, что «Пушкин — любитель непристойностей», что и она сама присутствовала на этих беседах.⁶¹

Гоголевские же анекдоты рискованно балансировали на грани непристойного или даже кощунственного — как в его известном устном рассказе о молитве в борделе.⁶² Согласно свидетельствам мемуаристов, Гоголь постоянно оказывался или слушателем, или рассказчиком анекдотов. В. А. Соллогуб даже очертил особенности гоголевского смеха — в сопоставлении с добродушно-наивной манерой князя В. Ф. Одоевского:

Он <Одоевский> отличался еще тою особенностью, что самым невинным образом и совершенно чистосердечно и без всякой задней мысли рассказывал дамам самые неприличные вещи; в этом он совершенно не походил на Гоголя, который имел дар рассказывать самые соленые анекдоты, не вызывая гнева со стороны своих слушательниц, тогда как бедного Одоевского прерывали с негодованием. Между тем Гоголь всегда грешил преднамеренно, тогда как князь Одоевский <...> был в самом деле невиннее агнца.⁶³

Князь А. И. Урусов приводит мнение А. А. Краевского о Гоголе, относящееся именно к 1836 году:

По словам одного из его современников, г. К<раевско>го (с которым я на днях беседовал и которого благодарю здесь за любезное сообщение некоторых сведений о Гоголе), в то время господствующим качеством (*qualité maîtresse*) Гоголя была необыкновенная сила сообщительного юмора при большой скрытности характера. <...> Любимый род его рассказов в то время были скабрзные анекдоты, причем рассказы эти отличались не столько эротическою чувствительностью, сколько комизмом во вкусе Раблэ.⁶⁴

В отношении к смеху, в принятии разговорной речи и даже «сальных» анекдотов, в культе простоты в общении и отсутствия

⁶⁰ Там же. С. 454.

⁶¹ Там же.

⁶² См.: Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 311—313. См. об этом: Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 112—113.

⁶³ Соллогуб В. А. Воспоминания. С. 307.

⁶⁴ Князь Александр Иванович Урусов: Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1. С. 273—274.

мещанского жеманства была своя программа, и этот своеобразный интеллектуальный элитизм отличал пушкинский круг. Отталкивание от жеманного языка мещанства, культ «простонародного» языка, приправленного барковианскими реминисценциями и внутренней игрой, пародийная стихия без всяких ограничений (в том числе и религиозных) — таковы были лингвокультурные тенденции пушкинского круга. Утопическое «истинно дворянское» общество, по Пушкину, должно было быть (помимо прочего) толерантным к игровой, фарсово-бурлескной или пародийной литературе. Образцом такого рода беллетристики и был признан «Нос».

Вера Проскурина

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
*Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(Государственный архив Новгородской области)*
*Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(Томский государственный университет)*

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023